

М ЛЕВИТТ

**«ВЕЧЕРНЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ»
И «УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О БОЖИЕМ ВЕЛИЧЕСТВЕ» ЛОМОНОСОВА:
ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕОЛОГИЧЕСКОГО
КОНТЕКСТА**

Хотя «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и «Утреннее размышление о Божием величестве» М В Ломоносова давно и справедливо завоевали себе признание как шедевры русской поэзии, их религиозный контекст до сих пор оставался не только не изученным, но и не вполне осознаваемым. С одной стороны, пренебрегалось религиозной проблематикой духовного наследия Ломоносова или же она прямо отрицалась. Как писала В Дороватовская в 1911 г, «мысли Ломоносова не были направлены в сторону религии, и вопросы только религиозные не имели для него интереса»¹ С другой — сложилось мнение, что даже если допускается такая проблематика, то «в идейном отношении он остался одиноким»² Отношение этих стихотворений к отеческим поэтическим и богословским традициям остается мало изученным,³ а их соотносимость с общеевропейскими течениями

¹ Дороватовская В О заимствованиях Ломоносова из Библии // М В Ломоносов, 1711—1911 Сб статей / Под ред В В Сиповского СПб, 1911 С 38

² Там же С 65

³ В свое время Л В Пумпянский указал на их серьезное богословское содержание, которое он определил как «рациональный, лютерански и лейбнициански окрашенный теизм» и назвал «явлением европейски-буржуазного типа» (*Пумпянский Л В Очерки по литературе первой половины XVIII века // XVIII век М, Л, 1935 [Сб 1] С 110*) Самые важные работы о духовном наследии ломоносовских од и переложений *Levitsky A A The Sacred Ode (Oda Dukhovnaja) in Eighteenth-Century Russian Literary Culture Ph D University of Michigan Ann Arbor, 1977, Луцевич Л Ф Псалтырь в русской поэзии СПб, 2002* О работах, посвященных теме «Ломоносов и религия», см Христианст-

эпохи Просвещения почти не затрагивалась. Цель настоящей статьи двоякая. Во-первых, предполагается определить философско-богословское течение, с которым связаны «Размышления», и, во-вторых, предложить их толкование в свете этой традиции, следуя за теми критиками, которые усмотрели в них хорошо обдуманное рассуждение о существовании Бога и попытку согласовать разум и веру⁴

Речь здесь идет о традиции, которую было принято в XVIII в называть «физико-теологией». Как видно от гибридного названия, она ставила целью согласовать веру и науку, или, точнее, доказать бытие Божие на основании данных естественных наук. Заключительные строки «Утреннего размышления» являются сжатым изложением этих идей:

И на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь

Как писал историк немецкой литературы Т. Сейн, «в первой половине XVIII века появилось множество физико-теологических произведений, написанных учеными, священниками и мирянами, которые умудрялись увидеть Божий промысел (руку Божию) во всякой твари, всяком камне или в каждом стебельке травы»,⁵ то есть они стремились доказать существование Бога на основании видимого мира. В эпоху Ломоносова еще не было четких границ между естественными науками и естественным (или «натуральным») богословием, и это одна из наглядных черт физико-теологи-

во и новая русская литература XVIII—XX веков Библиографический указатель / Под ред В А Котельникова, сост А П Дмитриев и Л В Дмитриева СПб, 2002 С 103—106 См также *Левитт М* Ода как откровение Православный богословский контекст одической поэзии Ломоносова // Славянский альманах 2004 № 5 С 368—384

⁴ Например, И З Серман пишет «Обеспокоенный нападками православного духовенства на науку, Ломоносов счел необходимым заступиться за нее Науку следовало трактовать не как дисциплину, враждебную Богу или религии, но как путь к истинному познанию Бога через более глубокое понимание мира, Им сотворенного Ломоносов посвятил две из своих наиболее вдохновенных поэтических работ такому объяснению места науки в познании Бога» (*Serman I Z Mikhail Lomonosov Life and Poetry Jerusalem, 1988 P 120*) И З Серман считает, что «на протяжении всей своей сознательной жизни Ломоносов вел философскую борьбу на двух фронтах как против тех, кто осуждал науку за ее желание постичь все в мире, так и против тех, кто пытался выстроить систему мира без участия Бога» (P 115) См также *Луцевич Л Ф* Псалтырь в русской поэзии Гл 5

⁵ *Same T P* The Problem of Being Modern, or The German Pursuit of Enlightenment from Leibniz to the French Revolution Detroit, 1997 P 20 Это издание — английский перевод (исправленный и дополненный) его книги «Von der kopernikanischen bis zur Französischen Revolution die Auseinandersetzung der deutschen Frühaufklärung mit der neuen Zeit» (Berlin, 1987)

ческих произведений, дискурс которых является смесью «светского» и «духовного», античного и библейского, традиционного и современного, православного и западного Физико-теологические произведения конца XVII—XVIII в писались в различных жанрах как в прозе, так и в стихах (также в сочетании) и часто совмещали в себе разнородные жанровые элементы Это было общеевропейское разноязычное явление шел активный обмен физико-теологических работ на английском, французском, немецком и других языках, в том числе и на русском В России XVIII в физико-теологические идеи пользовались большой популярностью среди грамотных людей Их можно найти во многих научных и философских трактатах, в поэзии (духовной и светской, особенно в так называемых натур-философских стихах), а также в учебниках, проповедях и богословских трудах ⁶ Итак, здесь уместно говорить именно о

⁶ Одним из самых пространных изложений физико-теологии в России стала поэма В К Третьяковского «Феоптия, или Доказательство о богозрении по вещам созданного вещества» (1750—1754 гг., опубликована только в 1963 г) В предисловии к поэме Третьяковский дает обширный список физико-теологических работ, в который он включает и оппонентов этой традиции, представляя таким образом «Весь без мала Круг Философий» (*Tredjakovskij V K Psalter 1753 / Hrsg Alexander Levitsky // Russische Psalmenubertragungen Biblia Slavica Ser 3 (Ostslavische Bibeln) Bd 4 Paderborn, 1989 S 464*) «Феоптия» — своеобразная визуальная теодицея в стихах, которая была вдохновлена Г В Лейбницем и А Попом Она основана на трактате Ф Фенелона «Трактат о существовании и атрибутах Бога» (1712, 1718) О ней см *Breit-schuh W Die Feoptija V K Tredjakovskijs Ein Physikotheologisches Lehrgedicht im Rußland des 18 Jahrhunderts Munchen, 1979* Трактат Фенелона, один из самых популярных физико-теологических произведений во Франции, был широко известен в России Кантемир написал изложение этой работы, назвав ее «Письмо о природе и человеке» (1743 г, издано в 1868 г) Трактат Фенелона по крайней мере три раза публиковался в XVIII в (1766, 1778, 1793), два раза — в сокращении Назовем также следующие физико-теологические произведения, появившиеся в России в XVIII в Размышление о величестве Божиим, по коликую оно прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие 1756 Ноябрь С 407—438 (перевод с неизвестного немецкого оригинала), *Аничков Д С Слово < > о том, что мир сей есть ясным доказательством премудрости Божией и что в нем ничего не бывает по случаю* (1767) // Мысли о душе Русская метафизика XVIII века / Под ред Т Артемьевой СПб, 1996 С 76—89, *Иеромонах Аполлос [Байбаков] Евгеонт, или созерцание в натуре Божиих видимых дел* М, 1782 Аполлос называет своими главными источниками труды Фенелона и Р Беллармино (1542—1621) (см *[Беллармино Р] Руководство к Богопознанию по лестнице сотворенных вещей* М, 1783, также переведено как «Лестница умственного восхождения к Богу по степеням созданных вещей» (СПб, 1786)), Феодорита Кирского (см *Блаженного Феодорита епископа Кира Поучительные слова о Промысле* М, 1784 (перевод с греческого)), Г Крафта (*Крафт Г Краткое руководство к математической и натуральной географии* СПб, 1739), Л Эйлера (*[Эйлер Л] Письма о разных физических и философических материях* В 3 т СПб, 1768—1774 (перевод с французского)) Были опубликованы и переводы трактатов неизвестных немецких авторов, в том числе

физико-теологическом дискурсе, т. е. об определенном наборе идей, образов и топосов, которые в совокупности составляют сверхфразовые единства.

Ломоносовские «Размышления» — яркий пример этого дискурса. Отправным пунктом нашего анализа могут послужить их заглавия.⁷ Такое внимание к заглавиям может казаться чрезмерным, но в данном случае нам представляется вполне оправданным, поскольку они как нельзя более отчетливо отражают темы и топосы физико-теологического течения. Общая формула названий — «размышление о Божием величестве при случае» (какого-то естественного явления) — весьма распространена в физико-теологической литературе. Ее можно условно разделить на пять частей: 1—2) жанр и разновидность жанра [Вечернее (или Утреннее), размышление]; 3) сюжет [Бог]; 4) качество (или качества) Бога [величество], о чем будет речь; 5) непосредственный повод к размышлению [великое северное сияние].⁸

следующие трактаты в переводе М. Громова: «Картина всемогущества, премудрости и благодати Божией, созерцаемая в природе...» (СПб., 1796; 2-е изд., доп. 1798); «Величество Бога во всех царствах природы, или Лестница от тварей к творцу, от земли на небо...» (СПб., 1801). В этот список можно также включить такие важные произведения переводной художественной литературы, как «Опыт о человеке» А. Попа (1734) и «Ночные мысли» Э. Юнга (1742—1745; о поэме Юнга см. ниже). Этот краткий перечень не претендует на полноту и, разумеется, не охватывает ни отдельных стихотворений, ни того большого круга произведений, в которых отражаются физико-теологические идеи.

⁷ В. Л. Чеканал, комментатор этих стихотворений в академическом издании, утверждал: «Нет сомнения, что слова „о божием величестве“ введены Ломоносовым в официальные заглавия обеих од главным образом по соображениям цензурным: положенные в основу этих од материалистические представления о вселенной, и в частности о небесных телах, вызывали деятельный отпор со стороны церковных властей» (*Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 910).

⁸ В «Утреннем размышлении...» отсутствует последняя часть, но вполне ясно, что это размышление «по поводу» солнца.

Вот три примера популярных, многократно изданных и переведенных, сочинений, которые вышли в свет до ломоносовских «Размышлений...». В них повторяются все вышеназванные элементы заглавия: 1) [*Ray John*, 1627—1705] *The wisdom of God manifested in the works of the creation: in two parts: viz. The heavenly bodies, elements, meteors, fossils, vegetables, animals (beasts, birds, fishes, and insects) more particularly in the body of the earth, its figure, motion, and consistency, and in the admirable structure of the bodies of man, and other animals, as also in their generation...* [1691]. (London, 1692). [«Премудрость Божия, являющаяся в деле творения, в двух частях, а именно: в небесных телах, элементах, метеорах, окаменелостях, овощах, животных (зверях, птицах, рыбах и насекомых), и в особенности в теле земли, его фигуре, движении, и регулярности, и в восхищении достойной структуре человеческих тел, и других животных, а также в их производстве...»]; 2) [*Nieuwentyt Bernard*, 1654—1718]. *Het regt gebruik der werelt beschouwingen...* Amsterdam, 1715. [«Правильное пользование созерцания (или размышления) о познании всемогущества, премудрости и доброты Создателя, в чудесной структуре тел животных <...> в формировании элементов

Прежде чем приступить к анализу этих элементов, необходимо сказать несколько слов о физико-теологической традиции и ее источниках. Как выше отмечено, в физико-теологических работах своеобразно компилировались жанры и идеи разных эпох. Условно можно выделить три главные группы — античную философию, Священное Писание и труды эпохи Просвещения (как духовных, так и светских авторов). В «Риторике» и «Прибавлении» к «Явлению Венеры на Солнце» (1761) Ломоносов дает нам богатый материал об идейных и о конкретных текстологических источниках «Размышлений».⁹ Из античных источников это Цицерон, чей трактат «О природе богов» сильно повлиял и на христианское богословие, и на мышление Нового времени;¹⁰ и поэма Клавдиана «О падении Руфина», один отрывок которой является непосредственным образцом «Размышлений».¹¹ Из христианских источников Ломоносов цитирует «Краткое изложение православной веры» Иоанна Дамаскина и «Беседы» Василия Великого — труды, на основании которых он строит защиту наук против своих клерикальных противников.¹² Тезис о том, что, хотя Бог непостижим, его можно постигать через чувственный мир, принадлежит в том числе и святоотеческой литературе. Эта идея становилась аксиомой физико-теологической позиции.

Обратимся к первым двум элементам заглавия — «Вечернее» (и «Утреннее») «размышление». Слово «размышление» имеет первостепенную важность в отношении к этим стихотворениям, поскольку оно определяет их жанр и характеризует тип философской

<...> [и] в структуре небес...»]; 3) [*Lesser Friedrich Christian?*; 1692—1754]. *Insecto-theologia, oder: Vernunft- und schriftmässiger Versuch, wie ein Mensch durch aufmerksame Betrachtung derer sonst wenig geachteten Insecten zu lebendiger Erkenntniss und Bewunderung der Allmacht, Weissheit, der Güte und Gerechtigkeit des grossen Gottes gelangen könne*» (Frankfurt, Leipzig, 1738). [«Инсекто-теология (насекомо-теология), или небольшая разумная попытка узнать, как человек через внимательное рассмотрение [или размышление], обращенное на насекомых, может достигнуть живого познания и удивления о всемогуществе, премудрости, доброте и правосудии Великого Бога»]. Тому же автору принадлежат книги «*Heliotheologia*» (о солнце (2-е изд.: Nordhausen, 1757)) и «*Testaceo-theologia*» (о раковинах и улитках (Leipzig, 1744)). Конечно, многие физико-теологические произведения носили другие названия и имели другие жанровые определения (в том числе трактаты, письма, картины, слова, очерки и т. д.).

⁹ Ученые не раз указывали на эти важные для «Размышлений...» произведения. См., например: *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии; *Стенин Ю. В. М.* Ломоносов. «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» // Поэтический строй русской лирики. Л., 1973. С. 9—20; *Levitt M.* The «Obviousness» of the Truth in Eighteenth-Century Russian Thought // *Философский век: Альманах. История философии как философия*. СПб., 2003. Вып. 24. Ч. 1. С. 236—245. См. также статью П. Е. Бухаркина в настоящем сборнике.

¹⁰ См.: *Levitt M.* The «Obviousness» of the Truth. P. 238—242.

¹¹ *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 376.

¹² См.: *Луцевич Л. Ф.* Псалтырь в русской поэзии. С. 251—254.

рефлексии. Оно может быть отнесено и к философской (светской), и к богословской тематике. Как жанр философии «размышление» обозначает созерцание уже признанной истины в отличие, например, от «рассуждения» или «доказательства», чья цель — логически объяснить правильность данной идеи или системы. Я. П. Козельский писал: «Ежели мы рассматриваем внятно части какой истины, то такое внимание называется размышление (*reflexio*)».¹³ Размышление — это необходимый этап в процессе познания истины, между чувственным восприятием и познанием как таковым. (Заметим, что таким образом размышление непосредственно связано с утверждением достоверности зрения).

В богословском контексте функция «размышления» с точки зрения логики та же самая. А как жанровое определение «размышление» может служить синонимом «беседы», которая, в свою очередь, обозначает тип проповеди или молитвы?¹⁴ Ломоносов сам применяет определение «размышления» и в отношении к «Беседам» Василия Великого, и к «Точному изложению» Дамаскина, уверяя, например, что эти «великие светильники познание натуры с верою содружить старались, соединяя его снискание с богодухновенными размышлениями в одних книгах по мере тогдашнего знания в астрономии».¹⁵

Почему «Вечернее» или «Утреннее» «размышление»? Это приводит нас прямо к первой из истин, о которой поэт размышляет, то есть к тому, что можно доказать существование Бога методом индукции, делая вывод на основании чудесного порядка естественного мира. Это — так называемый «аргумент от провидения»: «по творению — знай Творца». В «Риторике» сам Ломоносов объясняет эту идею в форме силлогизма, сжатой парафазы из сочинения «О природе богов» Цицерона: «Ежели что из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно, видимый мир от разумного существа устроен».¹⁶

¹³ Козельский Я. П. Философические предложения... СПб., 1768. С. 64.

¹⁴ Конец «Утреннего размышления...», безусловно, напоминает молитву («Творец! покрытому мне тьмою / Прости премудрости лучи»). О жанре «размышления» как типе православной молитвы см.: *Исаак Сирий, преп. О Божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты / Пер. с сирийского, примеч. и послесл. иеромонаха Илариона (Алфеева). М., 1998. Беседа 10 («О чине размышления [Сир. herga] и о различных видах его...»)*. Хотя эти тексты были, скорее всего, неизвестны в России XVIII в., тем не менее Сирий здесь уточняет то, что было выражено имплицитно в его других работах и что было более или менее общепринято у православных богословов.

¹⁵ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 374. Василий Великий сам часто пользуется словами «размышление», «размышлять» в применении к своим «Беседам». См.: *Беседы святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесарии и Каппадокийския, на шестоднев... М., 1782.*

¹⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 319.

А почему именно «Вечернее» или «Утреннее»? Дело в том, что онтологическая проблема (проблема о характере бытия) связана с проблемой космологической — как мир стал существовать. Чередование дня и ночи является не только микрокосмом естественного порядка, неизменного закона природы, но и микрокосмом создания мира («творение» в обоих значениях). Не случайно, что самые важные христианские работы, касающиеся естественных наук, — это «Шестоднев», комментарии в форме проповедей или бесед к первой главе Бытия, то есть комментарии о шести днях сотворения мира.¹⁷ Онтология (т. е. суть мира) узнается через космологию (т. е. через процесс становления его). Ведь многие физико-теологические работы выполняли функцию именно космологии для Нового времени; темой многих из них являлось сотворение мира.¹⁸ В «Шестодневе» Василия Великого каждая беседа относится к одному дню сотворения мира, и многие авторы физико-теологических работ пользуются подобным структурным стержнем, то есть чередованием дней и ночей (или вечеров).

Переход от ночи к утру, от тьмы к свету является не только микрокосмом Творения, но и метафорой для душевного процесса верующего человека от размышления к откровению. Этот процесс лежит в основе физико-теологических сочинений. Как и в «Размышлениях» Ломоносова, центральное действие — изменение зрения. Часто это изменение происходит, когда человек поднимает глаза на небо, видит яркие блистающие звезды и планеты и восхищается чудесным устройством вселенной. Парадигма или прообраз этого момента, скорее всего, восходит к сочинению Цицерона «О природе богов», где цитируется трактат Аристотеля «О фило-

¹⁷ Об этой традиции см. комментарии: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Под ред. Г. С. Баранкова и В. В. Милькова // Памятники древнерусской мысли: Исследования и материалы. СПб., 2001. Вып. 2. См. также: Древнерусская космология / Под ред. Г. С. Баранкова. СПб., 2004. С. 158—170. (Памятники древнерусской мысли: Исследования и материалы).

¹⁸ Шестидневную структуру имеют и такие упоминавшиеся русские физико-теологические произведения XVIII в., как например «Феоπτия» Третьяковского и книга Аполлоса (Байбакова) «Евгеонт» (см. примеч. 5). Физико-теологическая поэма Э. Юнга «Жалоба, или Ночные мысли [или: размышления] о жизни, смерти и бессмертии» (1742—1745), которая пользовалась большой популярностью в России, имеет такую же структуру. Поэма Юнга «переводилась» на русский язык и в прозе, и в своеобразных переложениях, в том числе через призму французского перифраза Ж. Карон. См.: Заборов П. П. «Ночные размышления» Юнга в ранних русских переводах // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. М.; Л., 1964. С. 269—279. (XVIII век. Сб. 6). Показательно, что «перевод» А. Андреева «Дух, или Нравственные мысли славного Юнга, извлеченные из ношных его размышлений» (1798) включал тринадцать русских и иностранных стихотворений, в том числе и «Утреннее...» и «Вечернее...» размышления Ломоносова. Кстати, издания «Ночных мыслей» Юнга часто сопровождалось его стихотворением «A Paraphrase on Part of the Book of Job» (Парафраза одной части из Книги Иова).

софии» (NB кроме процитированных Цицероном строк, от этого трактата ничего не сохранилось). Как пишет Цицерон, ему кажется, что неверующие (эпикурейцы), которые «бессрассудно болтают о вселенной < > никогда и глаз не подняли на этот дивный наряд небес, что и составит ближайший предмет доказательства». Он продолжает «Поэтому прекрасно говорит Аристотель. „Если бы,— говорит он,— существовали люди, которые бы всегда обитали под землею в хороших и ярко освещенных жилищах, украшенных статуями и картинами и снабженных всем, что имеют в изобилии те, кого считают зажиточными, и никогда не выходили бы на поверхность земли, а по молве и слухам знали бы о существовании некоего божественного существа и силы; если бы, затем, в какое-нибудь время земля разверзлась и они бы могли выйти и подняться из тех скрытых жилищ в заселяемые нами места и вдруг увидели бы землю, моря и небо, узнали величину облаков и силу ветров, увидели солнце и узнали, с одной стороны, его величину и красоту, а с другой — его действие, что оно, разливая свет по всему небу, производит день, если бы, наконец, когда ночь покроет земли тенью, они увидели все небо испещренным и украшенным звездами, разнообразие света луны, то увеличивающейся, то уменьшающейся, всех их восход и закат и их определенные и неизменные во всю вечность пути, то, видя это, они бы, конечно, думали, что боги существуют и что эти столь великие произведения есть дело богов“».¹⁹

Такой момент в чем-то аналогичен освобождению философа из платоновской пещеры, но здесь освобождение — это не побег из физического мира в другой, духовный, мир, а перемещение в пределах нашего телесного мира. Это процесс узнавания, открытия, приобретения нового, правильного, зрения.²⁰

Именно здесь, в проблеме узнавания, коренится одна из центральных богословских проблем. Размышление о существовании Бога и о разумном устройстве вселенной (т. е. об онтологии) переходит к гносеологическому, или эпистемологическому, вопросу *Что мы видим определяется тем, как «бренно наше око» функционирует.* С одной стороны, эпистемологическая проблема связана с обсуждением разных естественно-научных теорий (в «Размышлениях» — о происхождении северного сияния и о характере солнца)²¹ В то же время авторы физико-теологических произведений, в том числе и автор «Размышлений», сталкиваются с проблемой познания Бога. Бог принципиально непостижим, недоказуем, неви-

¹⁹ Цицерон *Марк Тулий* О природе богов / Пер с лат С Блажеевского СПб, 2002 С 138 [XXXVII, 95]

²⁰ См *Levitt M* The «Obviousness» of the Truth P 241

²¹ Как отметил Ломоносов в «Изъяснениях» к «Слову о явлениях, от электрической силы происходящих», «Ода моя о северном сиянии содержит мое давнишнее мнение, что северное сияние движением эфира произведено быть может» (*Ломоносов М В* Полн собр соч М, Л, 1952 Т 3 С 123)

дим, в сущности, он за пределами человеческого понимания. Это, можно сказать, коренная проблема монобожия, и ее часто стремились (стремятся) разрешить православные богословы, от Дионисия Ареопагита до исихастов и имяславцев. У физико-теологов она разрешается подобным путем, то есть Бог познаваем не непосредственно, а через его божественные проявления, его признаки, качества, энергию (а что они представляют собой, и как их называть — предмет споров).

Заглавия «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» и «Утреннее размышление о Божием величестве» таят в себе идею, что можно подходить к Богу через его производные признаки в мире телесном, в первую очередь через его величие (величество). Ломоносов пишет об этом как в своем переложении сочинения Цицерона «О природе богов» в «Риторике», так и в «Прибавлении» к «Явлению Венеры». Прочитируем известное место из последнего: «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой — свою волю. Первая — видимый сей мир, им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество, по мере себе дарованного понятия. Вторая книга — священное писание. <...> А в одной книге сложения видимого мира сего суть физики, математики, астрономы и прочие изъяснители божественных, в натуру влияющих действий суть таковы, каковы они в одной книге пророки, апостолы и церковные учителя...».²²

Эта же идея выражена Ломоносовым в перифразе «Шестоднева» Василия Великого, в словах, которые могут служить и лозунгом физико-теологической позиции, и краткой формулировкой идеи самих «Размышлений»: «Несказанная премудрость дел Божиих хотя из размышления о всех тварях явствует, к чему предводительствует физическое учение, но величества и могущества его понятие больше всех подает астрономия...».²³

Величество — самый выдающийся признак физического мира, соединяющий в себе и могущество, и премудрость.²⁴ Согласно физико-теологам эти три качества вместе с четвертым — добротой являются главными атрибутами Бога-Творца и появляются в заглавиях их работ в разных комбинациях (см. примеч. 8). Величество — именно признак Бога в его роли Творца, Зиждителя, всемирного зодчего и художника.

²² Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 375. См. образ «книги мира» и в «Вечернем размышлении...» («книга вечных прав», т. е. природы. — М. Л.).

²³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 372.

²⁴ Об этом см., например, «Размышления о величестве божием, поколику оное прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается» — перевод с немецкого, который появился в «Ежемесячных сочинениях» в ноябре 1756 г. (С. 409).

Вопрос о том, до какой степени признаки Бога очевидны в телесном мире, решается по-разному разными физико-теологическими авторами. Для многих — это небольшая проблема, потому что истина просто очевидна.²⁵ Но часто степень очевидности зависит от качеств того, кто видит. В формулировке Ломоносова человек признает «божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия». Для православных богословов эта способность зависит от чистоты души; для других, более светских, физико-теологов это скорее зависит от степени образования. Если для первых эта способность правильно видеть принадлежит святым, для вторых эта привилегия предоставляется гениям-естествоиспытателям.²⁶

На наш взгляд, одна из отличительных черт «Размышлений» Ломоносова — глубина и серьезность поставленной в них эпистемологической проблемы — проблемы ограниченности наших «бренных» чувств. В «Вечернем размышлении» это проявляется и в диалогической форме стихотворении, и в риторической силе повторяющихся вопросов:

Но где ж, натура, твой закон?..
Не солнце ль ставит там свой трон?..
Скажите, что нас так мятет?..
Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?
Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Стихотворение заканчивается четырьмя вопросами, и сомнения поэта, кажется, остаются:

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

В какой-то мере последний вопрос является в то же время ответом, поскольку он риторический и поскольку определение вели-

²⁵ Об «очевидности» истины см.: *Levitt M. The «Obviousness» of the Truth.*

²⁶ Последнюю точку зрения разделял автор «Размышления о величестве Божию, поколику оно прилежным рассмотрением и испытанием естества открывается» (1756), цитировавшегося выше. Возможно, из-за этого статья вызвала недовольство церкви. См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. СПб., 1912. Т. 4. № 1532. 20 дек. 1756 г. С. 272—273. Впрочем, такой сугубо «светский» подход нехарактерен для физико-теологических произведений, которые появились в России.

чия Бога равняется проблеме определения его сущности вообще. Это и есть центр размышления как «созерцание уже признанной истины». Бог существует, но кто может постичь, сколь он велик, каковы пределы нашего познания?

Как отмечали критики, тон «Утреннего размышления» более утвердительный, чем «Вечернего», и можно считать, что второе размышление дает прямой ответ на этот вопрос.²⁷

Представь, каков зиждитель сам!
Велик зиждитель наш господь!

Но истина не совсем очевидна даже в «Утреннем размышлении». Та картина физической поверхности солнца, которая соответствует ломоносовской теории солнечной природы (подобно тому как «Вечернее размышление» излагает его теорию о происхождении северного сияния),²⁸ все-таки предстает не просто как чувственный акт, но и как акт воображения:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, возреть

Как констатировали Платон и Аристотель и последующие богословы и философы, чувство зрения при всей его кажущейся непосредственности («очевидности») все-таки нуждается в обработке с помощью воспоминания, мышления (размышления), воображения.²⁹ Проблема человеческого разумения и являлась центральной для эпохи Просвещения, как известно, она именно и затрагивала острый вопрос о взаимосвязи физического и духовного.³⁰

²⁷ Со времени первого издания «Сочинений» Ломоносова (1751) «Размышления» всегда печатались вместе, под рубрикой «духовных од». В изданиях XVIII в «Утреннее» размышление предшествовало «Вечернему», а во многих более поздних изданиях они были представлены противоположным образом. На основании метрического анализа В. М. Жирмунский выдвинул тезис о том, что «Утреннее размышление» было написано позднее «Вечернего» (см. *Жирмунский В. М.* Оды Ломоносова «Вечернее» и «Утреннее размышление о Божием величестве». К вопросу о датировке // *Русская литература XVIII века и ее международные связи*. Л., 1975. С. 27—30 (XVIII век. Сб. 10).

²⁸ См. примеч. 21. А. А. Морозов считает, что идея о «мерзлом паре», выдвинутая в этом стихотворении, связана с теорией Х. Вольфа. См. *Ломоносов М. В.* Избранные произведения / Вступ. ст., сост., примеч. А. А. Морозова, подгот. текста М. П. Лепехина и А. А. Морозова. Л., 1986. С. 510 (Библиотека поэта. Большая серия. 3-е изд.).

²⁹ См. *Левитт М.* Ода как откровение. О православном богословском контексте ломоносовских од.

³⁰ См. наше обсуждение этого вопроса у Сумарокова. *Levitt M. Was Sumarokov a Lockean Sensualist? On Locke's Reception in Eighteenth-Century Russia // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study*

Разрешение эпистемологической проблемы происходит в заключительных строфах «Утреннего размышления», которые можно воспринимать как развязку обоих стихотворений вместе взятых³¹ Сначала констатируется разница между внутренним и внешним зрением, слабость чувственного («бренного») зрения по сравнению с недостижимым божественным прозрением

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел

Второстепенное значение солнца — это повод к размышлению Потенциальный разрыв снимается в последней строфе, которая всего более сближает «Размышление» с молитвой

Творец! покрытому мне тьмою
Прости премудрости лучи

«Премудрости лучи» — это кульминационный образ всего стихотворения, совмещающий в себе и метафорический свет (духовный свет познания), и реальный, физический свет³² Так, для Р Декарта и просветителей, как и для традиционных богословов, разум оказывается беспомощным, а зрение — ошибающимся без божественного

Group on Eighteenth-Century Russia, Gargnano, 1994 / Ed by M Di Salvo and L Hughes Rome, 1996 P 219—227

³¹ В этом отношении нам кажется не случайным тот факт, что в «Риторике» сразу после того, как приводится «Вечернее размышление» (в качестве примера логического «распространения», § 270), следует «условный силлогизм», в котором излагаются вышецитированные аргументы, доказывающие существование Бога, из трактата Цицерона «О природе богов»

Всем читателям ясно, что начиная с заглавия эти стихотворения тесно связаны между собой, и можно сказать, что они составляют цикл Л В Пумпянский утверждал, что вместе с «Одой, выбранной из Иова, главы 38, 39, 40 и 41» и с некоторыми строфами в «Оде на прибытие < > Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года» они составляют некое целое (см *Пумпянский Л В* Очерки по литературе первой половины XVIII века С 108)

Тема Иова имеет прямое отношение к физико-теологической проблематике, и в XVIII в существовало много переложений отдельных глав из книги Иова и в прозе, и в стихах Но это тема для особого обсуждения Как и в оде Ломоносова, центральная проблема всех этих переложений — оправдание справедливости Божией Эта проблема стала особенно актуальна после появления книги Лейбница, которая и дала ей новое название — «теодицея» («Essais de Theodicee sur la bonte de Dieu, la liberte de l'homme, et l'origine du mal» (1710))

³² Следующие, последние, строки также подчеркивают параллель между человеческим и божественным Человек характеризуется как «творец», т е он сам является микрокосмом (подобием, последователем) Бога (Ср «Всегда творити научи», «Творец!», «твою тварь»)

ственной помощи (у Декарта «свет природы» от Бога — последняя инстанция истины)

Как Ломоносов сам объяснил в цитированных выше словах, доказательства о «величестве и могуществе < > дел Божиих < > повсюду очевидны в физическом мире Но «больше всех» такое свидетельство может подавать астрономия, потому что она показывает «порядок течения светил небесных Воображаем себе тем явственнее создателя, чем точнее сходятся наблюдения с нашими предсказаниями, и чем больше постигаем новых откровений, тем громче его прославляем»³³ Структура небес — самый очевидный пример мирового порядка и у Аристотеля, что, как известно, также стало насущнейшим вопросом для мыслителей эпохи Просвещения Физико-теологическое течение появилось именно как попытка примирить новые достижения естественных наук со Священным Писанием, и древний спор с эпикурейцами о целенаправленном или случайном создании вселенной, который давно, казалось, был разрешен в пользу Аристотеля, вновь стал актуален Poleмика о «множестве» миров, которую комментаторы усмотрели в «Вечернем размышлении» («Там разных множество светов, / Несчетны солнца там горят»), относя ее к спорам о книге Б Фонтенеля «*Entretiens sur la pluralité des mondes*» («Разговоры о множестве миров», 1686), может с равным правом быть отнесена к спору Цицерона и Отцов церкви с эпикурейской позицией³⁴

Переходим к последней части заглавия, то есть к непосредственному поводу к размышлениям Мы уже указали на значение темы «дня и ночи» в космологическом и метафорическом планах, а также отметили древнее мнение, которого и придерживался Ломоносов, о том, что наблюдение небес дает самое «явственное», очевидное представление (или доказательство) о бытии Бога Таким образом, обращение к северному сиянию и к солнцу не только отвечало личным и научным интересам поэта, но и становилось типичным предметом физико-теологических размышлений Действительно, «астрономическая» тема часто разрабатывалась в разных

³³ Ломоносов М В Полн собр соч Т 4 С 372

³⁴ О переключке с Василием Великим см Луцевич Л Ф Псалтырь в русской поэзии С 252—253 О связи с Фонтенелем см Стенник Ю В М Ломоносов «Вечернее размышление о Божием величестве при случае великого северного сияния» С 16—18 Ю В Стенник считает, что «Размышления» обращаются «к крупнейшим авторитетам европейской науки» той эпохи Он приходит к заключению, что «объективно ссылка на творца служит формой воплощения центральной идеи стихотворения, — свободной от теологического подтекста, — идеи утверждения могущества сил природы, скрывающей свои тайны и законы, познания которых человек еще не достиг, но рано или поздно достигнет Тем самым по существу утверждается мысль о безграничных возможностях, которые открывает перед человеком наука, мысль, с которой Ломоносов связывал всю свою многообразную деятельность и которую он утверждал всеми средствами, в том числе и поэтическими» (С 20)

физико-теологических произведениях. Появились исследования «астро-теологии» (William Derham, 1657—1735) и даже одна книга, посвященная солнцу — «гелио-теологии» (теология солнца: Friedrich Christian Lesser, 1692—1754). Были и работы о разных метеорологических явлениях, в том числе «бронто-теологии» (теология грома и молнии).³⁵

В итоге можно сказать, что заглавия ломоносовских стихотворений представляют микрокосм физико-теологической позиции и явно обнаруживают дискурсивный фон этих произведений. Но указать на прототипы этих стихотворений — это не значит их «объяснить». Это лишь помогает лучше понять их идейную и художественную специфику.

³⁵ Существовала также «Hydro-theologia» (теология воды), «Insecto-theologia» (теология насекомых), «Testaceo-theologia» (теология улиток и моллюсков), «Litho-theologia» (геологическая теология) и Phyto-theologia (ботаническая теология).